

ЭО, 2008 г., № 2

© Д.А. Функ. Рец. на: *Е.Н. Кузьмина. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов)*. Экспериментальное издание / Отв. ред. Н.А. Алексеев. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 1382 с.

Рецензируемый Указатель объемом почти 1400 страниц форматом 70 × 108 1/16 был подготовлен новосибирскими филологами и опубликован как экспериментальное издание тиражом 300 экз.

Грандиозная задача, поставленная перед довольно большим авторским коллективом, была сформулирована как систематизация “массива типических мест эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири”, что, по мнению руководителя проекта, Е.Н. Кузьминой, должно в некоторой мере содействовать решению “проблем сюжетостроения, сюжетного контекста и этнопоэтической константности сибирского эпоса” (с. 4).

Под типическими, или общими местами составителями понимается “некая повествовательная схема”, “интертекстуальные повторы, переходящие из одного сказания в другое”. В структуре типических мест обязательно имеются “опорные, или ключевые слова”, “связанные в устойчивые словосочетания”, представляющие “эпические формулы”. «“Общие места” очень тесно связаны с поворотами сюжета и как бы маркируют собой важные в сюжетном плане эпизоды героического повествования» (с. 5). Несмотря на то, что в работе были предложены некоторые возможные трактовки термина “типические места”, все же, думается, анализу существующих в эпосоведении подходов и связанных с терминологическим аппаратом проблем следовало бы уделить больше места (см., в частности: *Лорд* 1994: 83; *Reichl* 1992: 171–217 и мн. др.).

Дело в том, что “маркировать важные в сюжетном плане эпизоды героического повествования” могут не только более или менее развернутые общие/типические места/сцены, но и устойчивые словосочетания (минимальные по размеру, всего из двух-трех слов), собственно формулы¹, характерные для мифопоэтического мышления сказителей, певцов, шаманов, знахарей, знатоков благопожеланий и иных категорий людей, как посвященных, так и приобщенных к знаниям сакрального мира и так или иначе работающих со “словом”. Почему авторы-составители отказались от выделения таких минимальных “типических мест”, хотя порой в указателе мы находим и их, т.е. именно “формулы”²? От ответа на этот вопрос зависит, как мне представляется, главное: а самый ли оптимальный путь для составления такого рода Указателя был избран? К обсуждению этого вопроса мы еще вернемся.

Для решения поставленной задачи руководителем авторского коллектива предварительно была разработана структура указателя типических мест (далее – ТМ), которая в процессе работы наполнялась новыми рубриками в попытке отражения всего существующего многообразия языка эпоса тюркских и монгольских народов Сибири. Основу структуры Указателя составили пять основных рубрик, отражающих семантический уровень структуризации материала (Эпический мир, Эпические персонажи, Волшебные предметы, Композиционные вставки и Ремарки сказителя); часть из них, в свою очередь, включает более мелкие разделы, а те также могут быть поделены на еще более мелкие, от двух до двадцати двух. Кроме этого, весь материал был сгруппирован в шесть больших групп в соответствии с этнической привязкой анализируемых эпических текстов.

Как сама задача, так и представленный подход к работе с материалом, безусловно, заслуживают внимания и заинтересованного обсуждения (см., в частности, недавнюю положительную, хотя и со многими критическими замечаниями и важными предложениями, рецензию этого труда: *Новиков* 2006: 65–68). Продолжая начавшееся обсуждение, я постараюсь далее сосредоточить свое внимание еще на некоторых важных, с моей точки зрения, моментах в работе над такого типа Указателями.

Принципы отбора текстов. Всего для демонстрации принципов систематизации типических мест авторским коллективом были отобраны 23 эпических текста, большая часть которых была ранее опубликована в двуязычных академических изданиях. Три текста издавались в серии “Эпос народов СССР”, десять – вышли недавно в серии “Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока”, а еще четыре – в сборниках “Шорский фольклор” (1 текст) и “Фольклор Курумчинской долины” (3 текста). Остальные проработанные составителями тек-

---

Дмитрий Анатольевич Функ – доктор исторических наук, заведующий отделом Севера и Сибири Института этнологии и антропологии РАН.

сты представлены публикациями в художественных книжных издательствах (1 алтайский и 2 бурятских текста) и тремя архивными неопубликованными текстами (бурятские сказания из архива ИМБит СО РАН). Отбор именно опубликованных текстов, к тому же недавно опубликованных, которые в итоге, лишь будучи “расчлененными”, в значительной мере оказались вторично опубликованными (надо полагать, с разрешения держателей копирайта) в этой книге, показался мне не самым оптимальным.

Специалистам, занимающимся эпическим творчеством народов Сибири, все эти тексты, безусловно, хорошо известны. Следовало бы, наверное, пояснить и логику включения в работу наряду с академическими публикациями, тех текстов, которые были опубликованы в виде, отличном от академических принципов издания. Приятным исключением стали лишь три архивных бурятских эпических сказания, впервые столь полно введенные в научный оборот. В итоге именно бурятский раздел в обсуждаемой книге оказался представленным наиболее полно и убедительно, полагаю, во многом именно благодаря включению в поле зрения составителей неизданных уникальных материалов.

Объемы накопленных в отечественной науке, но до сих пор еще неизданных, более или менее аутентичных рукописных и аудио/видео записей героического эпоса народов Сибири исчисляются тысячами архивных единиц хранения и потому предоставление для работы широкому кругу исследователей именно не издававшихся ранее текстов выглядит гораздо более важной задачей, чем перепечатка уже опубликованных образцов.

Принципы представления текстов. Важным, с моей точки зрения, было бы специально оговорить принципы издания. Дело в том, что часть образцов эпических текстов издавалась ранее на латинской графике. В случае с шорским сказанием “Хан Мерген, имеющий старшую сестру Хан Арго” в записи Н.П. Дыренковой “перевод” на кириллицу в худшую сторону отразился на точности воспроизведения оригинала. Где-то это, видимо, было вызвано стремлением составителя шорского раздела книги привести написание к современной шорской орфографии (*қалақпа* вместо *qałaq-pa*), хотя и этот принцип был выдержан не везде (долгота гласных, указанная в оригинале, в основном была снята, но в названии сказания “Қаан Мерген” она была сохранена), а где-то в итоге допускалось и явное вмешательство в текст оригинала (напр., *камыспа* вместо *qatys-pa*) (с. 1118).

В том же шорском разделе в переводах на русский язык, к сожалению, остались без уточнений или же без комментариев явно неудачные переводы авторов использованных публикаций. Если, например, в свое время Н.П. Дыренкова неудачно перевела фразу “Қара кул ат пағ да ба?” как “Черно-буланый конь, у веревки ли?” (с. 1172–1173) (вместо “Темно-саврасый конь на привязи ли?”), то – поскольку это представляется принципиально важным – может быть, это имело бы смысл как-то оговорить в примечаниях?

Не достает комментариев и в отношении воспроизведения составителями стилистически и по смыслу различных переводов одних и тех же ТМ (это касается, в частности, хакасского и шорского разделов Указателя). В данном случае указатель вынужденно оказывается ориентированным на специалистов, способных читать на тюркских и монгольских языках и к тому же знающих первоисточник. Специалисты же, занимающиеся эпосом, скажем, самодейских, или, например, тунгусо-маньчжурских народов, оказываются в ситуации, когда они вынуждены обращаться лишь к русскому переводу и, таким образом, должны безоговорочно доверять составителям данного Указателя.

Проблемы классификации материала/структуры Указателя. Проблема выявления относительно малых, но значимых и регулярно повторяющихся структурных единиц эпических сказаний, отличных от сюжета (и, может быть, мотива), в отечественной науке имеет давнюю историю. В российской тюркологии впервые к ее решению достаточно профессионально и с демонстрацией отличного знания материала еще в XIX в. подошел миссионер В.И. Вербицкий. В его статье “Сказка у алтайских инородцев” (Вербицкий 1882–1883; см. также 1893: 139–158), была выявлена значительная часть тех ТМ (происхождение богатырей, предсказания о рождении богатырей, опасности, которым подвергались богатыри во чреве матерей своих, богатыри большею частью рождаются от престарелых родителей, рост богатырский и детская сила, богатырские кони, вооружение богатырское, наречение имени, богатырская езда, богатырская сила, богатырские битвы), к идее выделения которых спустя 123 года самостоятельно пришли авторы-составители Указателя. Но ведь этот более чем столетний период был наполнен дискуссиями и многочисленными попытками выявить тематический диапазон и структуру героического эпоса. Взять хотя бы исследования 1970–1980-х годов Н.Н. Поппе, Т.Г. Борджановой, А.Ш. Кичикова,

В. Хайсига, посвященные эпосу монгольских народов, где мы можем обнаружить практически те же самые структурные единицы (см. обзор в: *Неклюдов* 1984: 86–94). Что из этого авторы-составители Указателя решили использовать, а от чего отказаться? Думается, это важно было бы оговорить во введении.

В целом структура Указателя выглядит весьма детально проработанной. В ней учтены многие не только обширные и порой важные для развития сюжета, но даже на первый взгляд мало-значимые, малозаметные ТМ. Хотя, как в любом такого рода указателе, материал все же оказывается более обширным, чем научная схема. Так, имеется раздел “богатырская езда”, но, поскольку часть богатырей передвигается пешком, на посохах, на стрелах и на волшебных камнях, в стрелах или дудках борщевика, в бочках или при помощи каких-либо иных эпических предметов (а порой и просто в связанном состоянии, будучи подвешенными к торокам могучим противником), то, думается, следовало бы вести и такие рубрики, как “богатырская ходьба”, “богатырский полет” и т.п. На шорском материале я могу утверждать, что во всех такого рода случаях мы имеем целый набор устойчивых ТМ и формул, четко привязанных к теме повествования.

Особым разделом в рубрике “Эпические персонажи”, и это абсолютно логично, является “богатырский конь”. Хотя я бы предложил дополнить эту рубрику разделом “богатырский бык”, поскольку часть эпических персонажей, в том числе и положительных, ездит именно на быках. Впрочем, как и в предыдущем случае, можно идти не по пути большей дробности, а, наоборот, некоторой генерализации. Соответственно, в этом случае могли бы выделяться рубрики “особенности передвижения богатырей в пространстве” и/или “средства/способы передвижения богатырей”.

Есть и более существенные пожелания. На мой взгляд, к числу не самых удачных характеристик структуры Указателя можно отнести то, что примеры ТМ, включаемых в одну какую-либо достаточно большую группу/подгруппу, внутри нее просто нумеруются по порядку. Таким образом, примеры *однотипных/одинаковых* ТМ из разных эпических текстов оказываются сложно вычисляемыми и соотносимыми друг с другом.

Поясно это на хакасских примерах. Здесь, скажем, в разделе П.А.21. “Пир” пример из сказания “Ай-Хуучин” [“Более шести дней // Чествовали, угощались, // Более семи дней, // Люд-народ веселился...”] оказывается представленным под номером 2 (П.А.21.2), а пример из сказания “Алтын-Арыг” [“Больше шести дней [люди] // Друг друга потчевали-угощали, // Больше семи дней // Собравшиеся люди // На веселой свадьбе-пиру // Гуляли, развлекались”] – под номером 13 (П.А.21.13). ТМ под номером Хак. П.А.21.12 четко соотносится с аналогичными ТМ в шорских сказаниях, но, чтобы это обнаружить, читателю необходимо знакомиться со всеми примерами, включенными в раздел “Пир”, поскольку эти ТМ оказываются под номерами 2, 5 и 8. Такого рода “принцип”, к сожалению, оказался четко выдержанным во всем Указателе. Здесь же уместно сослаться и на уже указанную ранее Ю.А. Новиковым “потерянную” информацию, которой может не оказаться в соответствующем разделе/подразделе, но которая все же вполне может быть выявлена при внимательном прочтении иных разделов (например, в случае с элементами богатырской одежды и вооружения, которые обнаруживаются в самых разных разделах Указателя) (*Новиков* 2006: 67–68).

Проблемы работы с имеющимися материалами. Здесь мне видятся две важные проблемы, от решения которых будет зависеть то, как именно в дальнейшем будет проводиться работа, начатая составителями Указателя.

Во-первых, важно четко осознать, какой именно материал следует отбирать для анализа. Думается, что пора работы с “этническими эпическими традициями” не то чтобы уже прошла, а скорее – еще не наступила, поскольку, несмотря на кажущееся обилие записей эпоса, текстов этих ничтожно мало. Я имею в виду тексты, массово записанные от одного и того же сказителя, от сказителей одной и той же “сказительской школы”, наконец, от сказителей из одного и того же “ареала”, т.е. действительно репрезентативный материал. Исследователи, как правило, имеют дело с единичными случайными записями от разных сказителей, осуществленными разными людьми, в разных местах и в разное время. Где-то запись шла “вживую”, а где-то под занудную диктовку, где-то сказание исполнялось для собирателя, а где-то для широкого круга односельчан, где-то ритмизованной прозой, а где-то пением. Без учета специфики порождаемых в таких случаях текстов и, соответственно, ТМ о каком сравнительном исследовании можно вести речь?

В рассматриваемом Указателе вновь лишь в бурятском разделе мы имеем дело с абсолютно логичным представлением материала с делением его на эхирит-булагатские, унгинские и хорин-

ские тексты. В отношении остальных “традиций”, где различия, в том числе и на уровне ТМ, являются весьма значимыми, составители отошли от этого принципа подачи материала.

Но можно и нужно было пойти еще дальше. Полагаю, что, например, в отношении эпоса алтайцев, хакасов и шорцев следовало бы отобрать в первую очередь хотя бы 300–400 записей, сделанных в свое время от Н.У. Улагашева, А.Г. Калкина, Н.П. Черноевой, К. Кокпоева и М. Куртова (тубалары, алтай-кижи и теленгиты), от С.П. Кадышева, П.В. Курбижекова и А.В. Курбижековой (кызыльцы), от А.И. Абакаева, Н.А. Напазакова, М.Е. Токмагашевой, В.Е. Таннагашева и С.С. Торбокова (представители нижнемарского и нижнекондомского сказительских ареалов у шорцев).

В этом случае в распоряжении исследователей оказался бы массовый материал, который было бы проще классифицировать и, что важнее, он уже изначально дал бы яркие наглядные и абсолютно конкретные результаты, важные для решения “проблем сюжетостроения, сюжетного контекста и этнопоэтической константности сибирского эпоса”. Именно так можно будет пытаться рассуждать о сути ТМ не в целом, а достаточно конкретно, на уровне сказителей и “сказительских школ”. “Сказительский уровень” представляется мне наиболее важным, поскольку мы имеем дело с индивидуальным творчеством, где будут встречаться тексты, записанные и от талантливых импровизаторов, и от контаминаторов, и от обычных передатчиков эпоса. В Указателе идея публикации текстов в записи от одного и того же сказителя особо не была декларирована, хотя вольно или невольно, но все же в хакасском блоке оба “препарированных” сказания оказались записанными от П.В. Курбижекова, а в шорском – два текста из трех – от П.И. Кыдыякова. А если так, то ничто не мешает выдерживать этот принцип и далее.

Во-вторых, и это, пожалуй, самое принципиальное соображение: заявленную и начатую работу вряд ли надо делать вручную, издавая затем не столько полученные результаты, сколько сами первичные материалы в виде, извинюсь за каламбур, необъемно-объемной книги. Об этом, в частности, можно судить по таким очевидным минусам “ручной обработки” текстового материала (хотя я вполне допускаю, что какая-то часть работы проводилась непосредственно в компьютере, скажем, с помощью текстового редактора WinWord), как упоминание ТМ в каком-либо одном тексте, но при этом пропуск их в других использованных текстах. Так, на с. 1062–1063 (в хакасском блоке) представлено ТМ из сказания “Алтын-Ары”, маркированное как Хак. П.А.21.12: “Пригнали табун чалого жеребца, // Весь его забили и стали пировать. // Пригнали табун гнедого жеребца, // Весь его перекололи и стали гулять”, но во втором анализируемом хакасском тексте “Ай-Хуучин” идентичное типическое место (см.: Ай-Хуучин 1997: 158, 159, стк. 2162–2165) оказалось в Указателе пропущенным. Здесь можно попутно отметить, что в случае с указанным ТМ особенно важным представляется группировка материала даже не по этническим группам, а именно по сказителям. Дело в том, что названное ТМ может оказаться характерным (именно в таком виде) для творчества кызыльского сказителя П.В. Курбижекова; попутно могу заметить, что в текстах другого кызыльского сказителя С.П. Кадышева (они для составления данного Указателя задействованы не были) это ТМ мне пока обнаружить не удалось.

Некоторые ТМ, явно вычленимые в анализируемых составителями эпических текстах, не попали в Указатель. Так, имеется общее место при оценке качества богатыря и его коня, регулярно используемое в определенных ситуациях шорскими сказителями: “Если конь родится, то пусть будет как ..., // Если алып родится, то пусть будет как ...”. Это устойчивая формула, встречающаяся даже в тех шорских текстах, которые были отобраны составителями для анализа (напр., в сказании “Кан Арго печелиг Кан Мерген” в записи Дыренковой: “Если уже коню сотвориться, так уж пускай родится и вырастет черно-серый конь! Если герою сотвориться, то пускай будет именоваться Кан Тос Мерген!”: Шорский фольклор 1940: 113), но в Указатель она не попала. Впрочем, здесь мы вновь возвращаемся к вопросу о том, а что же все-таки – типические сцены или формулы (или и то и другое) – было решено включать в данный Указатель?

Разумеется, какая-то часть высказанных здесь мыслей и предложений – это частности, и все это при желании вполне можно учесть в последующих изданиях, но ... я бы предложил взглянуть на проблему составления такого рода Указателя (и вообще на проблему текстологического анализа эпического текста) с несколько иных позиций. Когда мы говорим о времени В.И. Вербицкого и даже о первой трети XX в., когда и записей героического эпоса было мало, и собиратели располагали в лучшем случае возможностью зафиксировать несколько минут живого звучания на восковых валиках, то бумажная версия указателей сюжетов, мотивов и типических мест выглядела бы абсолютно логичной и, во всяком случае, практически единственно возможной. Но сейчас,

когда в распоряжении исследователей имеется значительный по объему блок аудио- и видеозаписей, когда существуют специальные компьютерные программы для работы с полнотекстовыми базами данных и для одновременной обработки качественных материалов разного типа, ставить задачу ручной обработки текстов и издания выявленных типических мест в виде огромных компендиумов, думается, было бы не вполне рациональной тратой времени, сил и средств.

При таких больших объемах ТМ, которые мы уже имеем в виде Указателя и которые еще могут быть включены в сферу анализа, наиболее оптимальным было бы создание единого компьютерного банка данных, открытого для постоянного пополнения и при этом снабженного аналитической виртуальной машиной, доступной для пользователей по сети Интернет и способной отвечать на запросы исследователя в зависимости от стоящей перед ним задачи. Именно так удалось бы решить проблему учета любого рода ТМ, независимо от их роли в сюжетообразовании или их объема, проблему практически моментальной выборки любых интересующих исследователя ТМ по всей базе данных, независимо от первичной классификации составителей, проблему поиска не только по “устойчивым словосочетаниям” или развернутым ТМ, но и по ключевым (или любым иным) словам, и многие, многие другие проблемы. Наполнение же этой базы данных не просто текстовым, но также аудио- и видеоматериалом позволило бы невероятно расширить состав будущей пользовательской аудитории, в которую вошли бы не только эпосоведы и текстологи, но и этнологи, психологи, этологи и представители иных научных направлений и школ.

Труд составителей Указателя, несомненно, заслуживает уважения и, конечно же, эта работа должна быть продолжена. Но, как мне думается, компьютеризация этого титанического труда, наряду с переориентацией в отборе материалов с опубликованных образцов “национальных эпических традиций” на уровень сказителей и сказительских школ с учетом типов исполнителей и условий фиксации текстов и с особым акцентом на ранее неопубликованных записях и мультимедийности представления материала позволили бы вывести начатое исследование на качественно новый уровень.

Примечания

¹ Ср., напр., у М. Пэрри: “a group of words which is regularly employed under the same metrical conditions to express a given essential idea” (цит. по: Reichl 1992: 172).

² Напр.: “Где стоял конь – там след остался, / Куда умчался – следа нет” (с. 211), “Лучшее из лучшего ел богатырь / Лучшее из лучшего он пил” (с. 981), “Будто мягкая кожа, мнутся, / Будто сырая кожа, вьются” (с. 1173).

Литература

- Ай-Хуучин 1997 – Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин / Запись и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В.Е. Майногашевой. Новосибирск, 1997. 479 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 16).
- Вербицкий 1882–1883 – *Вербицкий В.И.* Сказка у алтайских инородцев ... // Томские губернские ведомости. 1882. № 33, 44, 45; 1883. № 8, 14–16.
- Вербицкий 1893 – *Вербицкий В.И.* Алтайские инородцы. М., 1893.
- Лорд 1994 – *Лорд А.Б.* Сказитель / Пер. с англ. и коммент. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. Послесл. Б.Н. Путилова. Статьи А.И. Зайцева, Ю.А. Клейнера. М., 1994. 368 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
- Неклюдов 1984 – *Неклюдов С.Ю.* Героический эпос монгольских народов: устные и литературные традиции. М., 1984. 309 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
- Новиков 2006 – *Новиков Ю.А.* Рец. на: *Е.Н. Кузьмина.* Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). Экспериментальное издание / Отв. ред. Н.А. Алексеев. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 1382 с. // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 2006. Т. 65. № 5. С. 65–68.
- Шорский фольклор 1940 – Шорский фольклор / Записи, перевод, вступит. ст. и примеч. Н.П. Дыренковой. М.; Л., 1940. 39, 448 с.
- Reichl 1992 – *Reichl K.* Turkic Oral Epic Poetry: Traditions, Forms, Poetic Structure. N.Y.; L., 1992. X, 395 p. (The Albert Bates Lord Studies in Oral Tradition. Vol. 7).